

Какой там театр в небольшом селе Новая Усмани, под Воронежем? Широкая речка, окаймленная лесом и покрытая розовой дымкой по утрам, смешивающая запахи низкорослой ивы и покачивающихся на воде яблок — кисло-сладкой антоновки, брошенной впопыхах удирающими от садовника ребятишками...

Отца не помнит... Ей было четыре года, когда его, партийного работника, занимавшегося организацией колхозов, не стало. Мать — Олимпиада Фроловна — учила грамоте местных детишек, и как было положено сельской учительнице в то время — жила с дочерью при школе, в которой еще и директорствовала... Здание школы, выглядевшее высоким, значительным и благоустроенным рядом с немногочисленными домишками, находилось на самом краю села. Местечко это называли Косарки.

Пройдут десятилетия, и однажды в пору творческой неудовлетворенности — этакой бесцветной полосы в жизни — ее неудержимо потянет в те места, в озорное и веселое детство. И сойдя с поезда на станции Графская, она пойдет напрямик — лесом, еще не просохшим от дождя и оттого наполненным звоном падающих капель, — к своему селу. И увидит: сначала шумную воскресную свадьбу, затем школу (оказывается, одноэтажную?!). А на крыльчике ближнего дома, в пожилой женщине, неожиданно узнает Шуру, когда-то учившуюся у Олимпиады Фроловны, хорошо помнящую и ее, и семью Ялрынцевых, их соседей по дому. Пронзительной болью в груди отзовутся слова Шуры: «Баба Матрена умерла, дядя Егор погиб на фронте, и их дочка Танька тоже погибла под бомбежкой...»

И все-таки будет уезжать она с просветленной душой, до краев наполненная теплым светом: потому что ученики спустя сорок лет помнят о своих учителях, потому что есть Родина и есть Косарки!..

...Ослепив сцену, вспыхнут софиты. Вдох — в немоту зала, и голос — равновесие сдержанности и живого волнения, так свойственного ей:

«...Мария ниже склонилась над лавом, хрипло сказала, не слыша собственного голоса:

— Чего будем делать? Скажи мне одно, где мой муж Ваня и сыночек Васенька? И еще скажи мне: за что ударили Феню и девочку Саню за что убили? Молчишь? Молчи, молчи...»

После премьеры в литературном театре «Матери Человеческой» Абашина скажет мне: «Не верю, что наблюдения актера в период создания образа бывают строго конкретны... Скорей всего сказываются особенности характера актера-человека,

Клара Николаевна Абашина.

его умение наблюдать жизнь в разных ее проявлениях и умение ПОНИМАТЬ...»

Понимание, как одно из достоинств актрисы, отметит и писатель: «Тайные слезы автора «Матери Человеческой», слушавшего Ваше чтение, — свидетельство таланта Вашего. Спасибо. Закруткин».

Выбор для сольного чтения «Матери Человеческой», конечно же, не был случаен. В этом жизнелюбимом и одновременно трагическом жизнеописании Абашина нашла все то, что ранее по крупницам собирала в пьесе, в роли: острый драматизм, в подробностях — судьбу женщины, близкой ей по духу, высокую простоту и гражданственность материнского подвига.

...Думая о ролях, сыгранных Абашиной, — вернее сказать, ХАРАКТЕРАХ (творчество ее интересно этим) — замечаешь, как часто приходилось ей создавать образ матери. И дело тут вовсе не в возрастных возможностях; хотя они безусловно есть — настоящий острохарактерный актер может их преодолеть, пример тому недавняя телепремьера мозгового «Театра» и исполненная с блеском В. Артмане роль Джулии. Конечно, нередки случаи, когда актрисы известного возраста из спектакля в спектакль назначаются режиссером на роли матерей — зачастую эпизодические — и в результате теряют всякий интерес к работе, превращающейся в вариации из однообразных приемов. Абашина же понимает материнство — как нравственный долг,